ИЛЛЮЗИЯ ГУМАННОСТИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНФЛИКТАХ XXI ВЕКА

Smith, T.W. Human Rights and War through Civilian Eyes.
Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. 262 p.

*Смит Т.У. Права человека и война глазами граждан.
Филадельфия: Издательство Пенсильванского университета,
2017. 262 с.*

В 2017 г. профессор Университета Южной Флориды Томас У. Смит опубликовал монографию «Права человека и война глазами граждан», в которой исследуются особенности влияния на мирное население асимметричных конфликтов, получивших широкое распространение в мире в предыдущие два десятилетия. На Западе эта книга сразу же привлекла к себе внимание специалистов различных научных дисциплин, представителей государственных ведомств и неправительственных организаций, экспертов-правоведов.

В её основе лежит утверждение — в условиях «новых войн»¹, проходящих в среде гражданского населения без обозначения фронта и тыла, положения международного гуманитарного права (МГП) не могут соблюдаться. Они разрабатывались и принимались для регулирования ведения классических вооружённых конфликтов. Анализируя изменившийся характер организованного насилия, Т. Смит утверждает, что отдельные ранее считавшиеся неотъемлемыми его элементы, такие как формальное объявление войны, исчезли. Одновременно возникли новые понятия, которые используются для легитимизации

вооружённых действий — например, «ущемление в правах» и «соразмерность военных усилий» (С. 1).

Принятый мировым сообществом в 1970-х годах свод установлений, формирующих базу МГП, имел своей целью «уменьшить катастрофические последствия от войн, насколько это позволяют военные требования» (С. 2). Такой подход не только унижает индивидов, жизни которых были разрушены войной, но и подрывает моральные и этические основы существования человеческих общностей, противоречит универсальным ценностям, закреплённым Всеобщей декларацией прав человека 1948 года. По мнению автора книги, появление МГП сделало «права человека законом мирного времени, а гуманитарное право — законом войны», в рамках которого защита индивида подчинена требованиям военной целесообразности (С. 205). Кроме того, его нормы могут эффективно применяться только в том случае, когда обеспечивается взаимность и взаимная согласованность воюющих сторон, имеющих примерно равные возможности.

Т. Смит специально отмечает, что развитие МГП идёт не по пути его наполнения

¹ Все международные конфликты конца XX и начала XXI в. Т.У. Смит называет «новыми войнами», не разделяя их в зависимости от вовлечённых сторон.

нормами прав человека, а в сторону закрепления норм войны. В частности, представления о гуманитарной интервенции и ответственности по защите (R2P) связаны с возможностью пожертвовать меньшими правами для обеспечения того, что воспринимается как большие права. По этому поводу автор книги восклицает: «трудно терпеть воинов гуманитарного права, которые на пути к победе систематически растаптывают права человека» (С. 4). Далее он приводит данные, подтверждающие, что в конфликтах XXI в. люди в большинстве умирают не в сражениях, а от связанных с войной трудностей — по оценкам, это «соотношение сопутствующего к прямому убийству гражданских лиц находится в пропорции 3:1 и 9:1,4» для различных конфликтов (С. 8).

Гражданские лица в военных конфликтах сталкиваются с неизмеримо большим числом трудностей в нарушении прав человека, чем только угроза их жизни. В этих условиях, как правило, «инфраструктура разрушается, экономика разрушается, поток товаров и услуг прерывается, государства терпят неудачу и общества распадаются; людей перемещают, депортируют и задерживают; социальные издержки, такие как рост преступности, домашнее насилие и развод, встают на повестку дня» (С. 8). В этой связи негативные последствия влияния современного конфликта на гражданское население просто не может быть измерено и оценено.

В книге прослеживается эволюция МГП как «закона специального типа», который фактически понижает стандарты соблюдения прав человека в вооружённых конфликтах, вводя такие понятия, как избирательность, военный выигрыш и соразмерность (С. 12). Т. Смит отмечает, что понимание и применение этого права различными организациями, ведомствами и судами неодинаково, но в то же время достаточно прагматично: «В любом случае права человека не всегда выставляются в чёрно-белых тонах. Защитники прав человека иногда сотрудничают и идут на компромисс с теми, кто совершает акты на-

силия, используя в качестве рычага уступчивость, обращаясь к собственным интересам и приветствуя даже принятие полумер, если они облегчают страдания ни в чём не повинных людей» (С. 14).

Возможно, что именно эта прагматичность и компромисс способствуют росту гражданских жертв в новых войнах. Данные Центра безопасности человека Университета Саймона Фрейзера (Канада), которые приводятся в книге, свидетельствуют: «с 1990 г. приблизительно 8 млн гражданских лиц, большинство которых из Центральной Африки, умерли от прямого влияния и косвенных воздействий войны, 100 млн человек были изгнаны из своих жилищ или страны». Управление Верховного комиссариата ООН по делам беженцев также приходит к выводу, что «до конца 2014 г. 60 млн человек, половина из которых дети, были перемещены в результате войны и преследования, в том числе рекордное количество — 14 млн человек из Сирии, Южного Судана, Центрально-Африканской Республики, Украины, Пакистана и Мьянмы» (С. 20–21).

Анализируя современные подходы к определению понятия «гражданское лицо», автор указывает на то, что сужение термина «невоюющая сторона» (некомбатант) происходит путём исключения лиц, оказывающих нематериальную и невоенную поддержку одной или обеим воюющим сторонам — тех, кого принято называть сочувствующими или сторонниками. Эти люди даже получили специальное обозначение во время вторжения США в Ирак как «человек под контролем» (person under control, PUC). В результате их заключали под стражу без предъявления обвинений.

Соблюдение МГП возложено на воюющие стороны, которые должны соблюдать не права человека в целом, а только «принципы соразмерности или военного преимущества, часто трудно согласуемые с фактическими последствиями на земле» (С. 24). Между тем в нарушение существующих норм школы используются под склады оружия и центры по задержанию и до-

просу, беспилотные летательные аппараты выискивают группы людей и по решению операторов наносят удары по работающим в поле, проводящим свадьбу или похороны. Тактика двойного удара, заключающаяся в многократном поражении одного и того же места, не даёт возможность гражданским лицам помочь раненым и убрать мёртвых. Многочасовой гул кружащих дронов над жилищами людей заставляет их не только проявлять беспокойство, но и менять свой привычный уклад жизни — они и их дети подолгу остаются в помещениях, ожидая, когда беспилотники улетят.

Современные СМИ позволяют «отличить особые злодеяния от общей трагедии войны» и документировать, но не предотвращать преступления (С. 32). Автор книги считает, что «милитаристская идея о том, что приемлемая мера гражданского вреда неизбежна и даже ожидаема во время современной войны» должна быть отринута, если будут приняты не МГП (нормы войны), а универсальные требования защиты прав человека, закреплённые в международных документах более 70 лет назад.

Между тем в современных международных конфликтах, наоборот, происходит облагораживание целей и «преуменьшение страдания невинных людей» (С. 38). Современные вооружённые силы в большей степени обеспокоены защитой военнослужащих, даже за счёт нарушения правил соразмерности в причинённом ущербе населению, «выбирая боеприпасы и тактику, которые уменьшают риски для солдат, но увеличивают их для гражданского населения» (С. 41). Гуманизация МГП идёт по линии утверждения «новых приоритетов прав человека, особенно в военных кампаниях на основе высоких технологий», но встречает сопротивление её осуществлению со стороны военных, считающих, что этот процесс затрудняет достижение приоритетных для них целей операций.

В результате условием военных преступлений в МГП считаются доказательства намерения нанести вред гражданскому населению, а не само его причинение. В этой связи Т. Смит отмечает, что «гуманитарное

право ведёт двойную жизнь, регулируя войну, но также представляя войну в качестве законного института» (С. 45). При этом статус МГП как специального права, по мнению Международного суда ООН, обосновывает преимущественное применение его норм по сравнению с общими гарантиями в рамках защиты прав человека. Между тем такой подход способен подорвать всю логику гуманистической ориентации юридических норм. Книга в качестве примера приводит Справочник по операционному праву США 2006 года, который указывает, что «обязательства по правам человека, основанные на обычном международном праве, находятся в категории “стремления”, а не “обязательства”» (С. 51).

Особенность современных асимметричных конфликтов заключается в том, что боевые действия нередко ведутся в густонаселённых районах, война в буквальном смысле приходит в дом к гражданам. При этом каждая из воюющих сторон стремится втянуть население в борьбу на своей стороне. В связи с этим МГП для обеспечения безопасности мирных жителей предусматривает их изолирование в специальных лагерях или переселение на территории, на которой не ведутся военные действия. Вместе с тем оно не гарантирует, что при этом будут соблюдены все нормы прав человека. В современных конфликтах противоборствующие стороны часто определяют военные зоны или объявляют общественные предостережения, возлагая вину на гражданское население, если оно своевременно не смогло покинуть соответствующие районы или отреагировать на сделанные предупреждения.

Для обоснования высказываемой критики в адрес МГП и его применения в современных конфликтах в книге подробно рассматриваются случаи иракской войны, а также палестино-израильского противостояния. Выбор этих примеров позволил автору проиллюстрировать выдвигаемые тезисы на конфликтах различного типа. В одном случае имела место внешняя интервенция, осуществлённая Соединёнными Штатами. В другом — борьба между

Израилем и группировкой ХАМАС, которые сосуществуют бок о бок длительное время.

Отталкиваясь от случаев нарушения прав человека в двух упомянутых конфликтах, Т. Смит оценил возможности судебного преследования виновных в злодеяниях новых войн. Автор указывает, что «правозащитная система подчёркивает индивидуальную уголовную ответственность вместо корпоративной или бюрократической модели вины. И поскольку суды по правам человека традиционно судят государства, а не отдельных лиц, они, как правило, нацелены на архитекторов злодеяний, а не на тех, кто выполняет их проекты» (С. 149). Государства создают основной институт насилия — армии, но их действия «имеют эффект размывания намерений и маскировку преступной халатности и дисциплинированной бесчеловечности. ... Насилие становится “анонимным”, а принесённый вред даёт статус профессии» (С. 151).

Проблема, по мнению Т. Смита, состоит в том, чтобы справедливо разделить институциональную ответственность за системные злодеяния и индивидуальную ответственность в преднамеренной резне или групповой организации суда Линча. Дополнительную сложность создаёт возникновение ответственности за «сопутствующий ущерб», потому что она перекладывается воюющими сторонами друг на друга. Логика войны используется для оправдания действий, при которых терроризируется большое количество невинных людей.

В качестве иллюстрации автор приводит случай убийства двадцати четырёх иракцев 19 ноября 2005 г. в Хадисе командой сержанта Фрэнка Д. Вутерича 3-го батальона морских пехотинцев США. Американские военнослужащие в качестве сопровождающего конвоя передвигались в населённой части города и наткнулись на самодельное взрывное устройство. В результате взрыва один пехотинец и один арестованный погибли, двое солдат были серьёзно ранены. В ответ команда атаковала три ближайших дома и в течение 45 минут расстреливала всех попадавшихся на её пути людей —

«среди мёртвых были четыре женщины и шесть детей, некоторые из них грудные малыши, и семидесятишестилетний старик в инвалидном кресле, в которого стреляли девять раз» (С. 158).

Муниципалитет города подал американским военным жалобу в связи с произошедшими событиями, но ответ не получил. Мэр города в окружении старейшин посетил лагерь вооружённых сил с официальным запросом, но также наткнулся на отказ. Только обнародованное видео и ряд фотографий убитых граждан, распространённые в западных СМИ, способствовали тому, что об этой трагедии узнало мировое сообщество. Никто из военнослужащих не был привлечён к суду, а сержант Ф. Вутерич после двухнедельного расследования признал себя виновным в единственном нарушении — в том, что он не дал команду своим пехотинцам «стрелять сначала, а затем задавать вопросы» (С. 160).

Нарушения американскими вооружёнными силами прав человека в Ираке находились вне поля зрения Международного уголовного суда или иных органов международного правосудия, так как ни Вашингтон, ни Багдад не подписали Римский статут, и американцы могли заблокировать любые попытки преследования благодаря статусу постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Между тем такого рода органы могли бы своими разбирательствами повлиять на ближневосточный процесс, так как «в декабре 2014 г. президент Палестинской автономии Махмуд Аббас подписал Римский статут, несмотря на активные протесты США и Израйля, заявлявших, что Палестина не является государством и поэтому не имеет право на членство» (С. 177). В июне и октябре 2015 г. Палестина представила в Международный уголовный суд документы, подтверждающие вину Тель-Авива в нарушениях против гражданских лиц.

Книга также обращается к феномену гуманитарного вмешательства во имя прав человека, получившему распространение с 1990-х годов. Сама эта концепция была теоретически обоснована Майклом Уолце-

ром [Walzer 1977: 251] и Джоном Роулзом [Rawls 1999: 98–99] в последней четверти XX в. Они утверждали, что у либеральных демократий есть обязанность вмешиваться военными средствами, чтобы защитить права человека в чрезвычайных ситуациях. М. Уолцер также добавлял, что защита прав человека — это единственная причина, чтобы начать войну [Walzer, 1977: 108]. Немецкий философ Юрген Хабермас поддержал вмешательство НАТО в Югославию, чтобы остановить этническую чистку косовских албанцев. Он считал, что даже без одобрения ООН оно «могло показать резкий переход из классического международного права государств к космополитическому закону глобального гражданского общества» [Habermas 1999: 264]. Между тем, как подчёркивает Т. Смит, правозащитные организации были в целом против такой политики. Особенно критически её оценивала организация «Амнести интернэшнл» (Amnesty International) — защищая «узников совести», она в принципе не могла поддерживать любое насилие.

В первое десятилетие XXI в. на смену риторике гуманитарного вмешательства пришла концепция «ответственности по защите» (R2P). Она была сформулирована на международном саммите ООН в 2005 году. При этом принятый документ содержал три основания для её актуализации. *Во-первых*, в соответствии с R2P государства несут ответственность по защите собственного населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и иных преступлений против человечества. *Во-вторых*, международное сообщество имеет обязательства помогать отдельным государствам, в том числе в укреплении потенциала для защиты своих граждан. *В-третьих*, если мирные средства исчерпаны, а государства по-прежнему не в состоянии обеспечить фундаментальные права населения, международное сообщество должно принимать коллективные меры реагирования на основе решений Совета Безопасности ООН.

Анализ реализации «ответственности по защите» наводит на вывод, что из-за несо-

гласованных действий членов СБ ООН, преследующих собственные политические интересы, защита гражданского населения была малоэффективной. Центральный орган по поддержанию международной безопасности лишь дважды санкционировал использование военных средств в целях R2P — в Кот-д'Ивуаре (2010) и в Ливии (2011) (С. 190). Более того, получила распространение практика, когда члены Совета Безопасности ООН, в том числе постоянные (за исключением Китая), в обход установленной процедуры самостоятельно иницируют так называемые гуманитарные операции. Пример тому давала Сирия, где внешние игроки участвовали в бомбёжках военизированных формирований ИГИЛ, но эти действия были мало похожи на защиту населения.

Таким образом, в современных условиях наблюдается милитаризация прав человека, их замена «военно-гуманитарным комплексом», который обходит и игнорирует базовые гарантии индивидам: «Эта идея “смерти гуманизма” получила поддержку после честолюбивых массированных бомбардировок в Югославии силами НАТО» (С. 194–195). Все последующие гуманитарные вмешательства в различных странах мира не сохранили структуру существовавшего в них ранее общества. В некоторых случаях имело место разрушение основ государственности, были созданы предпосылки для новых гражданских войн, а следовательно, и новых страданий населения.

Автор книги отмечает, что военно-гуманитарный комплекс, особенно после развёртывания глобальной борьбы с терроризмом, с удвоенной силой интегрировался с правозащитными организациями. Военные использовали их для координации распределения гуманитарной помощи, а сотрудничающие с ними неправительственные объединения получали федеральные правительственные гранты США (С. 197). Такое сращивание создаёт опасность для сохранения независимости и непредвзятости правозащитных организаций, в результате которых они могут проявлять некри-

тичное отношение к действиям вооружённых сил. По мнению Т. Смита, имеющийся опыт гуманитарных интервенций свидетельствует, что, несмотря на укрепление нормы R2P, исключить нарушение прав человека в вооружённых конфликтах невозможно. В этой связи должны использоваться не только все дипломатические меры, но и любые мирные меры воздействия, предотвращающие возможность проведения геноцида и иные нарушения прав в суверенных государствах.

В заключение автор повторяет свой тезис о том, что защита прав человека в условиях конфликта «способствует наступлению ответственности за неразборчивую военную политику, выставляет лицемерие в осуществлении насилия, предлагает альтернативы тикающим рассказам бомб замедленного действия и поднимает основные вопросы милитаризации обществ и экономических систем» (С. 205). Против этих призывов вряд ли кто-то будет серьёзно возражать. В то же время автор не предлагает никакого нового механизма по соблюдению прав человека в военное время, особенно для гражданского населения. Заменить МГП общими нормами гуманиз-

ма невозможно в принципе. Для этого надо запретить войну как таковую. Добиться соблюдения всех 18 прав, записанных во Всеобщей декларации 1948 г. и добавленных многочисленными последующими документами, нереалистично без фундаментальной перестройки всей международной политики, а возможно, и человеческой природы.

В этой связи выход из сложившегося положения видится только в совершенствовании норм МГП, постепенной интеграции в них отдельных универсальных прав (таких, например, как право на жизнь для гражданских лиц, за нарушение которого воюющие стороны должны нести особую и безусловную ответственность). Более пяти лет назад автор этих строк предлагал считать человеческую безопасность универсальной ценностью не только в мирное, но и в военное время [Sokov 2012]. Включение этого понятия как нормы в МГП могло бы способствовать более чёткому представлению о соблюдении прав гражданских лиц в вооружённых конфликтах.

Илья Соков
кандидат исторических наук

Список литературы

- Habermas J.* Bestiality and Humanity: A War on the Border Between Legality and Morality // *Constellations*. 1999. 6 (3). P. 263–272.
Rawls J. *The Law of Peoples*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. 199 p.
Sokov I.A. Human Security as the Universal Value // *Journal of Human Security*. 2012. Vol. 8. Issue 1. P. 68–80.
Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Examples*. N.Y.: Basic, 1977. 335 p.

References

- Habermas J.* (1999). Bestiality and Humanity: A War on the Border Between Legality and Morality. *Constellations*. 6 (3). P. 263–272.
Rawls J. (1999). *The Law of Peoples*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 199 p.
Sokov I.A. (2012). Human Security as the Universal Value. *Journal of Human Security*. Vol. 8. Issue 1. P. 68–80.
Walzer M. (1977). *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Examples*. N.Y.: Basic. 335 p.